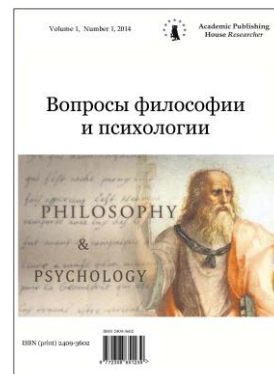

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 2014.
E-ISSN 2414-0856
2020, 7(1): 26-33

DOI: 10.13187/vfp.2020.1.26
www.ejournal20.com

The Question of Human in Modern Philosophy

Natalya N. Rostova^{a, *}

^a Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the fate of the question «What is human?» in modern philosophy. The author identifies two basic strategies: posthumanism and postcosmism. The first strategy is dominant for western european philosophy, the second – for russian philosophy. Using the method of comparative analysis, the author characterizes both approaches. Posthumanist strategy is based on the idea of the end of the exclusivity of human existence. The author considers the concept of human death to be the historical source of this idea. This idea is implemented by removing the basic oppositions, namely: «nature and culture», «human and technology», «human and animal», «human and objects». The essence of posthumanistic strategy consists in reducing a human to the world that exists, including him in the determinative whole. The posthumanist tradition is being embodied today in the projects of a new ontology, a new phenomenology, a new anthropology, and a new ecology. In modern russian philosophy, as well as in russian philosophy in general, the question of human determines the question of being. The concept of an anthropological catastrophe appears in russian philosophy and new anthropological projects are formulated that respond to its challenges. Postcosmism of modern russian philosophy consists in overcoming the logic of cosmism and establishing a connection with russian religious philosophy, discovering the essence of human not in nature and the body, but in his metaphysical expansion, transcending himself.

Keywords: human, philosophy, philosophical anthropology, animal, technology, speculative realism, new ecology, posthumanism, postcosmism, modern russian philosophy.

Философская антропология сегодня становится центральной дисциплиной. Почему? Потому что человек вступил в эпоху, которая заставляет его оправдываться в собственном существовании. На практическом уровне мы имеем дело с опережающими наше понимание техническими достижениями. Суть того, что иногда называется четвертой промышленной революцией, состоит не столько в том, что посредством технических продуктов меняется жизнь вокруг нас, сколько в том, что меняемся мы сами. Человек поставлен под вопрос. Вопрос состоит в том, есть ли в человеке нечто, не редуцируемое к алгоритму и технической воспроизводимости? Чем отличаются искусственный и естественный интеллекты? Что такое сознание и можно ли привилегию на него делегировать машине? На теоретическом уровне происходит радикальная трансформация гуманитарных наук, смысл которой состоит во включении нечеловеческого в сферу истории, субъектности и творчества. Но тогда возникает проблема: что есть человеческое в человеке? В конечном счете, вопрос сегодня сводится к тому, что есть человек. Сегодня можно обозначить, по крайней мере, два подхода

* Corresponding author
E-mail addresses: nnrostova@yandex.ru (N.N. Rostova)

к этому вопросу. К первому склоняется западноевропейская традиция, ко второму – русская философия. В данной статье мы выделим главные особенности обоих подходов, для чего прибегнем к методу сравнительного анализа.

Различие подходов современной философии к антропологической проблеме коренится в истории. Как говорит М. Хайдеггер, философию (а он имеет в виду западную философию) волновало всегда *animalitas* человека, подлинная человечность, *humanitas*, для нее была не доступна. Отсюда проистекает антигуманизм самого М. Хайдеггера как бунт против анимализации человека и одновременно как попытка найти исконно человеческое в человеке (Хайдеггер, 1993). Правда, М. Хайдеггер при этом в своем проекте фундаментальной онтологии делает человека производным от бытия. И это тоже не случайно. Вопрос о человеке вообще может служить водоразделом между западной философией и русской философией. Западноевропейская философия понимает себя, прежде всего, как метафизику. А поскольку она понимает себя как метафизику, постольку вопрос о человеке для нее является зависимым от вопроса о бытии. Революция И. Канта, который в «Логике» свел философию и ее главные вопросы «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я смею надеяться» к вопросу «Что есть человек?», привела к последующей мощной контрреволюции со стороны идеологов очищенной от человека онтологии. Речь идет, прежде всего, о М. Фуко и М. Хайдеггере, которые взяли на себя бремя пробудить философию от антропологического сна, который на нее наваял Кант (Фуко, 1994; Хайдеггер, 1997). В западноевропейской философии XX в. фундаментальной оказывается идея смерти человека, выкристаллизовавшаяся из идеи смерти Бога Ф. Ницше. Тезис «Бог умер» для Ницше не атеистический, но антиантропологический. Его волнует не Бог, а человек. Это хорошо понимали, как в Европе, так и в России. Например, М. Фуко, Ж. Делез, С. Булгаков. «Бог умер» - означает не смерть Бога, но исчезновение антропологического типа, конституируемого Богом. Смерть Бога расчистила дорогу сверхчеловеку и постчеловеку. Сегодня критику антропологии, попытки окончательно расстаться с кантовской традицией, которой вмещается антропологический стиль мышления в философии, мы находим в постгуманистической стратегии западноевропейской философии. Для западной философии эта стратегия оказывается доминирующей. Она базируется на идее конца исключительности человеческого существования.

«Конец человеческой исключительности» - так называется книга антрополога Ж.-М. Шеффера. Однако проблема не сводится к творчеству Шеффера, которому, несомненно, удалось найти удачную формулу, фигурирующую теперь за пределами антропологии. Идея конца человеческой исключительности состоит в том, что человек перестает мыслиться как уникальный феномен, он лишается онтологических привилегий и начинает пониматься как часть в совокупности прочих частей целого. Эта идея становится ведущей как для современных онтологических или феноменологических проектов, так и собственно для новой антропологии, в которой возникают концепты нечеловеческого другого, антропологии периферии или антропологии без человека, а также становится центральной тема животного. Как говорит Деррида, перечитывающий Лакана, загадка зеркала – это не загадка человека, который в него смотрит, а загадка животного, которое глядит на человека из зеркального отражения.

Критика современной постгуманистической философии направлена против христианства, философии И. Канта, Р. Декарта, Парменида, Протагора, Сократа, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Шелера, иными словами, против тех мыслителей и традиций, которые могут быть заподозрены в антропологическом стиле мышления. Например, концепция новой антропологии Ж.-М. Шеффера выстраивается на последовательной критике *cogito* Декарта. Одновременно сегодня становится популярной философия Аристотеля, которая позволяет избежать онтологического дуализма и мыслить человека в единой системе живого мира.

Идея конца человеческой исключительности реализуется сегодня по четырем базовым направлениям. Первая стратегия связана со стиранием границы между природой и культурой. Названия современных книг говорят сами за себя: «По ту сторону природы и культуры», «Язык как инстинкт», «Чем философия мешает науке о сознании», «Конец человеческой исключительности», «Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека», «Чужая феноменология. Каково быть вещью?» и т.п. Эта стратегия может реализовываться двумя способами. Во-первых, за счет натурализации человека, его редукции к животному, и в этом смысле можно говорить о новом натурализме в философии

(Гиренок, 2017). Второй способ упразднения границы между природой и культурой, напротив, заключается в антропоморфизации мира, наделении мира качествами человека. В данном случае речь идет о радикальном жесте отделения человечности от человека. Человечность отныне понимается не как неотъемлемая привилегия человека, но как то, что принципиально отторгнуто и свободно от него. Человечность теперь можно делегировать на сторону как право. В этом состоит смысл современной теории «ингуманизма». Если для аргументации стратегии натурализма используется весь массив знаний современной эволюционной биологии, то для аргументации концепции человечности, свободной от человека, авторы прибегают к этнографическим данным, в том числе к собственным полевым заметкам о так называемых примитивных народах. Смысл данной стратегии состоит в том, чтобы через наблюдения за подобными культурами деконструировать собственную, в данном случае западноевропейскую культуру. На поверхности лежит тезис об интеллектуальном колониализме европейской философии, с которым данные авторы призывают расстаться, однако истинная задача состоит не в том, чтобы дать слово иным культурам, найти адекватный для их типа присутствия язык, а в том, чтобы, как говорит один из авторов Э.В. де Кастру, поэкспериментировать с собственной природой, сняв привычные табу и радикально распрощавшись с категорией истины. Среди новых натуралистов стоит выделить Ж.-М. Шеффера (Шеффер, 2010) и С. Пинкера (Пинкер, 2018). Среди новых антропологов, гуманизирующих мир, стоит назвать Ф. Дескола (Дескола, 2012), Э.В. де Кастру (Кастру, 2017), Э. Кона (Кон, 2018).

Вторая стратегия реализации идеи конца человеческой исключительности связана со стиранием границы между человеком и животным. Здесь также наблюдаются два способа рассуждения. С одной стороны, происходит антропоморфизация животных, когда животным приписывается богатая эмоциональная и духовная жизнь, указывается на их ближайшее родство человеку и необходимость защищать их права (П. Сингер, П. Кавальери, Т. Риган, Р. Докинз и др.). Причем речь идет не только об обезьянах, с которыми человек попадает в общую группу «great primates», но также, например, и об осьминогах, белках или сороках (Воллебен, 2018). С другой стороны, философия идет по пути анимализации человека, редукции его к животному, что позволяет ей рассуждать о человеческих зоопарках. Но есть и третий, более радикальный вариант этой стратегии. Идея заключается в том, чтобы в самой процедуре сопоставления человека и животного распознать акт учреждения человека, вне которого его нет. Философию начинает интересовать не человек и даже не животное, а граница между ними, которая, с одной стороны, создает человека, а с другой – животное. Человек и животное оказываются бинаризмом, наподобие субъекта и объекта, убрав один член которого, мы вместе с тем обесмыслим и второй. Устранить эту границу, и человек, говорит Агамбен, исчезнет, равно, как и животное, ибо эта пара удерживается только различием, скрывая под собой пустоту. Человека нет, он эфемерен и узнает себя лишь в оппозиции к животному (Агамбен, 2012).

Третья стратегия современной западной философии заключается в стирании границ между человеком и техникой. Современным философом техники объявляет себя Ж.-Л. Нанси. Техника, говорит он, вот центральная тема для всей философии сегодня. Хайдеггеру, по мнению Нанси, не удалось во всем масштабе осмыслить эту проблему. Что значит техника и почему вопрос о ней оказывается главным? Пафос Нанси заключается в том, чтобы упразднить дихотомию мир-техника. Не существует двух противоположных начал, но есть единство. Мир – это и есть техника, техника и есть мир. Техника не инструмент. Например, автомобиль, попавший в дорожную пробку, перестает быть инструментом. Техника происходит от природы, а потому не противостоит ей и не может пониматься как то, что ее разрушает. Напротив, техника есть самораскрытие природы через человека. Для формулирования своей мысли Нанси ссылается на понятие из биологии, которое можно перевести как «разрыв», «раскрытие». Техника – это «разрыв» в природе, ее самообнаружение. Таким образом, Нанси претендует на то, чтобы снять сразу три оппозиции: природа-техника, человек-техника, природа-человек.

Одновременно сегодня популярным становится малоизвестный до последнего времени французский философ Ж. Симондон, работавший в середине XX века (1924–1989). В 1990-х гг. во Франции была организована конференция «Вокруг Жильбера Симондона»,

с начала 2000-х стали активно публиковаться его произведения, в 2016 году на русском языке вышла его книга «Два урока о животном и человеке». С чем связан интерес к Симондону? Очевидно с тем, что его философия может быть использована как дополнительный аргумент для упразднения границ между человеком и техникой, а также между человеком и животным. Технический объект, по мысли Симондона, не только служит посредником между человеком и природой, но является тем пространством, где происходит смешение человека и природы, упразднение самого различия между ними.

И, наконец, четвертая стратегия реализации идеи конца человеческой исключительности заключается в том, чтобы устранить границу между человеком и объектами. Здесь в первую очередь следует говорить о спекулятивном реализме. Как говорит Г. Харман, философия сегодня должна покинуть «гетто человеческих реальностей», распрощаться с кантовской установкой и проблематизировать не отношения человек-мир, а отношения неодушевленных объектов. «Я настаиваю, – пишет он, – на том, что один бильярдный шар скрывает от другого бильярдного шара не меньше, чем шар-в-себе скрывает от людей» (Харман, 2012). В рамках объектно ориентированной онтологии «отвергается любая привилегия человеческого подхода к миру, а события сознания помещаются ровно на ту же плоскость, что и битва канареек, микробы, землетрясения, атомы и смола» (Харман, 2012). К. Мейясу предлагает проснуться от корреляционистского сна, то есть избавить мир от необходимости в человеке, его восприятии и осмыслении, и мыслить его сам по себе, высвобождая, по завету Фуко, мысль от мыслящего. Основным предметом философии он объявляет доисторическое и архиископаемое, то есть мир вне корреляции с человеком. Свою концепцию он начинает выстраивать с критики антропологизма И. Канта (Мейясу, 2015). Спекулятивный реализм имеет своих последователей в новой хоррор-философии и новой экологии, смысл которых состоит в антиантропоцентризме. Новая экология – это экология, не имеющая ничего общего со старой экологией. Старая экология связана с борьбой за здоровье планеты, ее героем является человек, ее изнанкой являются финансовые войны. Новая экология в лице Т. Мортон призывает признать двусмысленность, таинственность внечеловеческого мира. Признав это, говорит Мортон, считайте, что вы уже экологичны (Мортон, 2019). В мире новой экологии вместе с человеком исчезает центр, это мир тотальной периферии, в рамках которого человек и нечеловеческое онтологически равны. Хоррор-философию объединяют претензии на новую онтологию и новую феноменологию, которые эксплуатируют идею о некоем апофатическом нечто, которое детерминирует мир видимый, в том числе и человека (Ростова, 2020).

В современной западной философии антропологическая проблематика не популярна. Среди тех немногих авторов, кто мыслит вопрос «Что есть человек?» базовым для философии, стоит отметить Ф. Фукуяму, Ю. Хабермаса и Ж. Бодрийяра. Однако Фукуяма в конечном итоге вопрос о человеке редуцирует к биологическому (Фукуяма, 2004), Хабермас – к социальному (Хабермас, 2002), и только Бодрийяр пытается найти адекватный язык для разговора о человеке, вводя антропологическую категорию «двойственности» (Бодрийяр, 2015).

Если идея конца человеческой исключительности западноевропейской философии имеет источник в концепции смерти человека и является ее современной вариацией, то аналогичным образом современная русская философия сохраняет антропологизм, искони присущий русской философии вообще. Человек в современной русской философии понимается как онтологически иное в отношении мира. Он не часть мира, но, напротив, как научил Н. Бердяев, мир является частью человека. В современной русской философии мы не найдем редукционистских концепций, в рамках которых стираются различия между, с одной стороны, человеком, а с другой – животными, растениями, искусственным интеллектом или «объектами». Расчеловечивание в русской философии понимается как антропологическая катастрофа, а не как апофеоз свободы мира и мысли от субъекта. Если для западноевропейской философии «смерть человека» воспринимается с энтузиазмом, то русская философия формулирует антропологические проекты, отвечающие на вызовы антропологической катастрофы и фактически являющиеся современными проектами антроподицеи. Среди данных проектов стоит выделить концепции человека воображающего Ф. Гиренка (Гиренок, 2017), человека молчащего В. Мартынова (Мартынов, 2013), человека перехода С. Смирнова (Смирнов, 2005), человека-философа В. Варавы (Варава, 2013),

человека софийного Ю. Осипова (Осипов, 2016), синергичную антропологию С. Хоружего (Хоружий, 2002). С нашей стороны мы предлагаем проект человека литургического (Ростова, 2017). Что объединяет данные проекты? То, что между человеком и миром в этих проектах постулируется онтологическая пропасть. Именно поэтому для современной русской философии становится фундаментальной категория молчания. Человек оказывается единственным существом, способным молчать. Он может молчать, потому что удерживает дистанцию от мира. Как существо молчащее, дистанцированное от мира, человек вечно запаздывает в своих реакциях, он поистине неудачное животное. Но это животное, обремененное сознанием.

Свобода в данном случае категория не этическая, а онтологическая. Почему свобода – это бремя? Потому что свобода – это хаос. Человек не-природен. Он не от мира, а потому не имеет заданного порядка. Свой порядок он принужден учреждать сам из хаоса собственных состояний. Почему мы говорим о человеке литургическом? Потому что хаос – это то, что нуждается в форме. Литургия – это форма, позволяющая из хаоса субъективности извлечь порядок сознания.

Идея смерти человека в современной русской философии прочитывается не как ассимиляция человека с миром, но как утрата формы. В идее смерти человека европейской философии изначально содержится подлог – человек понимается как эффект мира, и как эффект мира он легко растворяется в нем. Иными словами, нетрудно объявить о смерти человека, первично понимая его как не-человека. Для русской философии человек метафизически чужд миру, а потому он не может раствориться в нем. Он может утратить символический порядок, свои базовые табу, но не субъективность, которая составляет его суть.

Таким образом, сегодня в философии в отношении вопроса «Что есть человек?» мы наблюдаем две основные стратегии. Первую мы называем постгуманистической, понимая постгуманизм в широком смысле. Вторую мы называем посткосмизмом. Постгуманизм современной западноевропейской философии состоит в редукции человека к миру наличному. При этом важной деталью данной логики оказывается именно редукционизм, а не активное отрицание человека, ибо в таком отрицании можно будет зафиксировать, пусть и с обратным знаком, но исключительность человека. Задача же состоит в том, чтобы именно включить человека в мир, как часть в целое. Посткосмизм современной русской философии состоит в том, чтобы преодолеть логику космизма и установить связь с русской религиозной философией. Если космизм исходит из имманентистского представления о человеке, выводя ноосферу из биосферы, то русская религиозная философия понимает человека в горизонте богочеловечности. Посткосмизм следует логике, согласно которой человек живет в мире, но он не от мира. Загадка человека кроется не в его теле, а в его метафизическом расширении, трансцендировании себя.

Литература

- Агамбен, 2012 – Агамбен Дж. Открытое: Человек и животное. М.: РГГУ. 2012. 112 с.
 Бодрийяр, 2015 – Бодрийяр Ж. Почему все еще не исчезло? 2015. [Электронный ресурс].
 URL: <https://syg.ma/@alesya-bolgova/zhan-bodriiar-pochiemu-vsie-ieshchie-nie-ischiezlo>
 Варава, 2013 – Варава В. Неведомый Бог философии. М.: Летний сад. 2013. 256 с.
 Воллебен, 2018 – Воллебен П. (2018). Духовный мир животных. Минск: Попурри. 2018. 240 с.
 Гиренок, 2017 – Гиренок Ф.И. (2017). Аутография языка и сознания. М.: Проспект. 2017. 256 с.
 Дескола, 2012 – Дескола Ф. (2012). По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение. 584 с.
 Кастру, 2017 – Кастру Э.В. де (2017). Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс. 2017. 200 с.
 Кон, 2018 – Кон Э. (2018). Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ад Маргинем Пресс. 2018. 344 с.
 Мартынов, 2013 – Мартынов В. Наше все: Малевич, Дюшан, Кейдж// Сто лет русского авангарда: сборник статей. М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория». 2013. С. 30-35.

Мейясу, 2015 – Мейясу К. (2015). После конечности: Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый. 2015. 196 с.

Мортон, 2019 – Мортон Т. Статья экологичным. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж». 2019. 240 с.

Осипов, 2016 – Осипов Ю.М. Белые скрижали. Сумма иного знания. М.: ТЕИС. 2016. 464 с.

Пинкер, 2018 – Пинкер С. (2018). Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. М.: Альпина нон-фикшн. 2018. 608 с.

Ростова, 2020 – Ростова Н.Н. «Хоррор» в современной философии: между антропологизацией и деантропологизацией дискурса // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2020. № 1. С. 44-60.

Ростова, 2017 – Ростова Н.Н. (2017). Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека. М.: Проспект. 2017. 432 с.

Смирнов, 2005 – Смирнов С. Человек перехода. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т экономики и упр. 2005. 535 с.

Фуко, 1994 – Фуко М. (1994). Слова и вещи. Спб.: А-сад. 408 с.

Фукуяма, 2004 – Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: ООО «Издательство АСТ»; ОАО «ЛЮКС». 2004. 349 с.

Хабермас, 2002 – Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Издательство «Весь Мир». 2002. 144 с.

Хайдеггер, 1997 – Хайдеггер М. Кант и проблемы метафизики. М.: Логос. 1997. 143 с.

Хайдеггер, 1993 – Хайдеггер М. (1993). Письмо о гуманизме // Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика. 1993. С. 192-221.

Харман, 2012 – Харман Г. (2012). О замещающей причинности // НЛО. №2.

Хоружий, 2002 – Хоружий С. (2002). К антропологической модели третьего тысячелетия // Философские науки. Вып. 8. М.: ИФ РАН. С. 108-136.

Шеффер, 2010 – Шеффер Ж.-М. (2010). Конец человеческой исключительности. М.: Новое литературное обозрение. 392 с.

References

Agamben, 2012 – Agamben, Dzh. (2012). Otkrytoe: Chelovek i zhivotnoe [Open: Man and animal.]. М.: RGGU. 112 p. [in Russian]

Bodriiyyar, 2015 – Bodriiyyar, Zh. (2015). Pochemu vse eshche ne ischezlo? [Why is it still not gone?]. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://syg.ma/@alesya-bolgova/zhan-bodriiyyar-pochiemu-vsie-ieshchie-nie-ischiezlo> [in Russian]

Deskola, 2012 – Deskola, F. (2012). Po tu storonu prirody i kul'tury [Beyond nature and culture]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie. 584 p. [in Russian]

Fuko, 1994 – Fuko, M. (1994). Slova i veshchi [Words and things]. Spb.: A-cad. 408 p. [in Russian]

Fukuyama, 2004 – Fukuyama, F. (2004). Nashe postchelovechesкое budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoi revolyutsii [Our posthuman future: Consequences of the biotechnological revolution]. М.: ООО «Izdatel'stvo AST»; ОАО «LYuKS». 349 p. [in Russian]

Girenok, 2017 – Girenok, F.I. (2017). Autografiya yazyka i soznaniya [Autography of language and consciousness] М.: Prospekt. 2017. 256 p. [in Russian]

Kastru, 2017 – Kastru, E.V. de (2017). Kannibal'skie metafiziki. Rubezhi poststrukturnoi antropologii [Cannibal metaphysicians. Frontiers of poststructural anthropology]. М.: Ad Marginem Press. 200 p. [in Russian]

Khabermas, 2002 – Khabermas, Yu. (2002). Budushchee chelovecheskoi prirody [The future of human nature]. М.: Izdatel'stvo «Ves' Mir». 144 p. [in Russian]

Khaidegger, 1993 – Khaidegger, M. (1993). Pis'mo o gumanizme [Letter about humanism]. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya. М.: Respublika. Pp. 192-221. [in Russian]

Khaidegger, 1997 – Khaidegger, M. (1997). Kant i problemy metafiziki [Kant and the problems of metaphysics.]. М.: Logos. 143 p. [in Russian]

Kharman, 2012 – Kharman, G. (2012). O zameshchayushchei prichinnosti [About substitute causality]. NLO. №2. [in Russian]

Khoruzhii, 2002 – *Khoruzhii, S.* (2002). K antropologicheskoi modeli tret'ego tysyacheletiya [Toward an anthropological model of the third millennium]. *Filosofskie nauki*. Vyp. 8. M.: IF RAN. Pp. 108-136. [in Russian]

Kon, 2018 – *Kon, E.* (2018). Kak myslyat lesa: k antropologii po tu storonu cheloveka [How forests think: to anthropology on the other side of man]. M.: Ad Marginem Press. 344 p. [in Russian]

Martynov, 2013 – *Martynov, V.* (2013). Nashe vse: Malevich, Dyushan, Keidzh [Our everything: Malevich, Duchamp, Cage]. Sto let russkogo avangarda: sbornik statei. M.: Nauchno-izdatel'skii tsentr «Moskovskaya konservatoriya». Pp. 30-35. [in Russian]

Meiyasu, 2015 – *Meiyasu, K.* (2015). Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti [After limb: Essay on the need for contingency]. Ekaterinburg; Moskva: Kabinetnyi uchenyi. 196 p. [in Russian]

Morton, 2019 – *Morton, T.* (2019). Stat' ekologichnym [Become environmentally friendly]. M.: Ad Marginem Press, Muzei sovremennogo iskusstva «Garazh». 240 p. [in Russian]

Osipov, 2016 – *Osipov, Yu.M.* (2016). Belye skrizhali. Summa inogo znaniya [White tablets. The sum of other knowledge]. M.: TEIS. 464 p. [in Russian]

Pinker, 2018 – *Pinker, S.* (2018). Chisty list: Priroda cheloveka. Kto i pochemu otkazyvaetsya priznavat' ee segodnya [Blank sheet: Human nature. Who and why refuses to recognize her today.]. M.: Al'pina non-fikshn. 608 p. [in Russian]

Rostova, 2017 – *Rostova, N.N.* (2017). Izgnanie Boga. Problema sakral'nogo v filosofii cheloveka [The expulsion of God. The sacred problem in human philosophy.]. M.: Prospekt. 432 p. [in Russian]

Rostova, 2020 – *Rostova, N.N.* (2020) «Khorror» v sovremennoi filosofii: mezhdru antropologizatsiei i deantropologizatsiei diskursa [“Horror” in modern philosophy: between anthropologization and deanthropologization of discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. № 1. Pp. 44-60. [in Russian]

Sheffer, 2010 – *Sheffer, Zh.-M.* (2010). Konets chelovecheskoi isklyuchitel'nosti [The end of human exclusivity]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 392 p. [in Russian]

Smirnov, 2005 – *Smirnov, S.* (2005). Chelovek perekhoda [The man of transition]. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t ekonomiki i upr. 535 p. [in Russian]

Varava, 2013 – *Varava, V.* (2013). Nevedomyi Bog filosofii [The Unknown God of Philosophy]. M.: Letnii sad. 256 p. [in Russian]

Volleben, 2018 – *Volleben, P.* (2018). Dukhovnyi mir zhivotnykh [The spiritual world of animals.]. Minsk: Popurri. 240 p. [in Russian]

Вопрос о человеке в современной философии

Наталья Николаевна Ростова^{a, *}

^aМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется судьба вопроса «Что есть человек?» в современной философии. Автор выделяет две базовые стратегии – постгуманизм и посткосмизм. Первая стратегия является доминирующей для западноевропейской философии, вторая – для русской философии. Используя метод сравнительного анализа, автор дает характеристику обоим подходам. Постгуманистическая стратегия основывается на идее конца исключительности человеческого существования. Историческим источником данной идеи автор считает концепцию смерти человека. Эта идея реализуется путем снятия базовых оппозиций, а именно: «природа и культура», «человек и техника», «человек и животное», «человек и объекты». Суть постгуманистической стратегии состоит в редукции человека к миру наличного, включении в детерминирующее его целое.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nnrostova@yandex.ru (Н.Н. Ростова)

Постгуманистическая традиция находит воплощение сегодня в проектах новой онтологии, новой феноменологии, новой антропологии, новой экологии. Для современной русской философии, как и для русской философии вообще, вопрос о человеке определяет вопрос о бытии. В русской философии появляется концепция антропологической катастрофы и формулируются новые антропологические проекты, отвечающие на ее вызовы. Посткосмизм современной русской философии состоит в том, чтобы преодолеть логику космизма и установить связь с русской религиозной философией, открыв суть человека не в природе и теле, а в его метафизическом расширении, трансцендировании себя.

Ключевые слова: человек, философия, философская антропология, животное, техника, спекулятивный реализм, новая экология, постгуманизм, посткосмизм, современная русская философия.